
Индира Дол
7
Кот, который спас Рождество

Индира Дол
Кот, который спас Рождество

https://litres.ru/74912134
SelfPub; 2026

Аннотация

В старом доме 7 по Переулку Фонарщиков под угрозой оказалось главное зимнее чудо. Соседи разругались в пух и прах и отменили общий праздник во дворе, с дворовой ёлки таинственно пропадают старинные игрушки, на запертом чердаке вспыхивает голубой огонёк, а у парадной появляется незнакомец в старинном цилиндре. За дело берётся Барсик — самый солидный чёрно-белый кот в городе, старший ревизор по мышам и хорошему настроению. Вместе с юным хранителем лавки чудес Чорой, его верной подругой-архитектором Настей и ворчливым домовым Афанасием пушистому детективу предстоит помирить упрямых жильцов, отыскать тайник зодчего, дать отпор жадному антиквару и зажечь Главный Рождественский Фонарь до полуночи в Сочельник. Внутри вас ждут уютное зимнее волшебство, добрый юмор, секреты семейного гримуара и проверенные рецепты праздничной выпечки и горячего шоколада. Вторая книга трилогии «Тихая магия зимы».

Кот, который спас Рождество

Глава 1.

Быть единственным здравомыслящим существом в четырёхэтажном доме — работа, прямо скажем, нервная, неблагодарная и совершенно не оплачиваемая сметаной по двойному тарифу.

Так рассуждал кот Барсик, восседая на широком мраморном подоконнике лестничной площадки третьего этажа старого дома № 7 в Переулке Фонарщиков. Внешности он был самой представительной: широкоплечий, упитанный кот в роскошной чёрно-белой шубе, сшитой, казалось, лучшим лондонским портным по индивидуальным меркам. Угольно-чёрный фрак безупречно сидел на его могучей спине, ослепительно белая манишка гордо топорщилась на груди, на морде красовались белые усы закрученной гвардейской формы, а на шее всё ещё алел тот самый праздничный бант, который вчера повязал ему юный аптекарь Чора из лавки напротив. Но главным козырем Барсика были глаза — огромные, круглые, ярко-жёлтые, как два свежих яичных желтка, светившиеся в полумраке подъезда чистым, неразбавленным интеллектом.

В отличие от обычных котов, которые умеют только тре-

бовать еду в пять утра и спать на свежевыглаженных рубашках, Барсик обладал редким даром. Он не просто понимал человеческую речь до последнего междометия — он видел людские чувства насквозь, словно цветные облачка над головами. Радость светилась золотистыми искорками, нежность — тёплым персиковым сиянием, а вот обида, усталость и упрямство выглядели как колючий синий туман, от которого в подъезде даже чугунные батареи начинали греть хуже.

И сейчас весь дом № 7, построенный ещё в позапрошлом веке из тёмно-красного кирпича с резными каменными эркерами, узкими готическими окнами и коваными балкончиками, утопал в этом ледяном синем тумане по самую дымовую трубу.

— Ну и безобразие, — проворчал Барсик себе под нос, раздражённо постукивая пушистым чёрным хвостом по подоконнику так, что с него посыпалась сухая известковая пыль. — Вчера Чора целый переулок волшебным чаем напоил, дворник дядя Миша до полуночи стихи о зиме читал, в пекарне Анны Петровны ванилью и кардамоном за три версты пахнет — а у нас тут филиал ледникового периода! Тьфу, смотреть противно!

Барсик знал здесь каждого жильца лучше, чем участковый инспектор и почтальон вместе взятые, потому что вёл строгий ежедневный обход всех четырёх этажей — исключительно из чувства долга и, разумеется, ради контроля качества кулинарной обстановки в квартирах.

На первом этаже, за дверью, украшенной вырезанным из бумаги снегирём, жила юная скрипачка Лена — худенькая, светловолосая девушка с вечно растрёпанной косой и огромными, как у оленёнка, карими глазами. Она работала в городском симфоническом оркестре и готовилась к важному рождественскому концерту. Но в последние дни из-за её двери вместо весёлых вальсов доносились лишь унылые, обрывистые гаммы, а над головой девушки висело тревожное серо-фиолетовое облако неуверенности в себе — она панически боялась выступать с сольной партией.

Этажом выше, на втором, в просторной квартире с эркером, обитали молодые программисты — муж и жена, Дима и Катя. Оба ходили в одинаковых растянутых толстовках, носили очки с антибликовым покрытием и с утра до ночи стучали по клавиатурам своих ноутбуков, спасая какой-то срочный банковский проект. В их квартире пахло растворимым кофе и остывшей пиццей из доставки, ёлка так и стояла нераспакованной в углу коридора, а сами супруги за последние три дня обменялись от силы десятком фраз вроде: «Передай зарядку» и «Ты не видел мою флешку?». Над ними клубился густой серый туман хронического переутомления.

Но главный очаг ледяного фронта располагался на третьем и четвёртом этажах. На третьем, за дверью с облупившейся медной табличкой, жил Аркадий Семёнович — художник-реставратор старинных полотен и человек с тонкой, но крайне взрывоопасной душевной организацией. Ему бы-

ло под шестьдесят, но выглядел он как сказочный леший, случайно забредший в город: густая седая шевелюра торчала во все стороны, словно в неё ударила шаровая молния, на кончике длинного носа вечно сидели круглые очки в роговой оправе, а поверх фланелевой рубашки в крупную клетку был надет бархатный пиджак, перепачканный охрой, ультрамарином и засохшей сметаной.

Сейчас Аркадий Семёнович сидел в своей заставленной подрамниками и пахнущей скипидаром мастерской, сердито сопел в седые усы и с остервенением тёр кисточкой холст, на котором пытался изобразить рождественского ангела, но из-под кисти упорно выходил какой-то насупленный филин. На душе у художника скребли кошки — причём куда более злые, чем сам Барсик. Ему было до слёз обидно, хотя признаться в этом самому себе он бы не согласился даже под угрозой конфискации любимого мольберта.

А ровно этажом выше, на четвёртом, за дверью, отполированной до зеркального блеска, жила Маргарита Львовна — заслуженная учительница словесности на пенсии. Женщина она была статная, прямая как линейка, с аккуратно уложенными в серебристый пучок волосами, в строгом тёмно-бордовом кардигане с антикварной камеей на воротнике и с таким пронзительным взглядом серых глаз, от которого даже взрослые сантехники начинали говорить исключительно деепричастными оборотами.

В квартире Маргариты Львовны пахло старыми томами

Пушкина, сушёной лавандой и железной дисциплиной. Она сидела в кресле с вышивкой в руках, поджав тонкие губы, но иголка в её пальцах то и дело замирала: на самом деле ей было ужасно одиноко и тоскливо, а сердце щемило от того, что в этом году в их дружном дворе впервые за двадцать лет не будет ни общей ёлки, ни хороводов, ни горячего чая из самовара.

А поссорились эти два достойных человека, как водится у творческих натур, из-за абсолютной ерунды. Три дня назад Аркадий Семёнович решил обновить старую деревянную звезду для дворовой рождественской ёлки и покрасил её яркой золотой краской прямо на лестничной клетке, постелив под неё газету. Маргарита Львовна, спускаясь за утренней почтой, случайно задела звезду рукавом любимого кашемирового пальто, назвала художника «безответственным мазилой, которому пора бы освоить правила общежития», на что тот вскипел, обозвал её «синим чулком с замашками классного руководителя» и заявил, что ноги его на дворовом празднике не будет. Маргарита Львовна в ответ ледяным тоном объявила, что в таком случае она отменяет рождественский спектакль с соседскими детьми и убирает пузатый самовар на антресоли.

В итоге пострадали все: весь дом погрузился в угрюмое молчание, а сам Барсик остался без законной порции праздничной индейки, которую оба враждующих лагеря на нервной почве забыли разложить по мискам.

Кот тяжело вздохнул, спрыгнул с подоконника и бесшумно спустился по широким, слегка поскрипывающим дубовым ступеням к тяжёлой парадной двери. Он толкнул мордой приоткрытую створку, выскользнул на крыльцо и замер.

На улице сгущались глубокие синие сумерки первого января. Зима в этом году выдалась настоящей — снежной, морозной, с пушистыми сугробами по пояс и хрустальным инеем на кованых решётках оград. Снег под светом уличных фонарей искрился голубоватыми и золотыми искрами, ветви старых лип гнулись под тяжестью белых шапок, а воздух был таким густым и студёным, что пышные усы Барсика мгновенно покрылись тончайшим серебряным инеем.

И тут кот почувствовал странное покалывание в кончиках ушей — верный признак того, что где-то совсем рядом проснулась настоящая, древняя зимняя магия.

Прямо перед крыльцом, в круге жёлтого фонарного света, стоял незнакомец. На нём было длинное чёрное пальто старинного покроя с бархатным воротником, белый шёлковый шарф и высокий блестящий цилиндр, каких в городе не носили с позапрошлого века. Лицо у незнакомца было тонким, аристократичным, с живыми тёмными глазами и лёгкой, лукавой улыбкой в уголках губ. В одной руке он держал трость с серебряным набалдашником в виде совы, а в другой — связку потемневших медных ключей и плотный конверт, запечатанный красным сургучом.

Незнакомец посмотрел через дорогу на нарядную дере-

вянную вывеску лавки тётушки Агаты, где теперь сияли золотые буквы *«Хранитель — Чора»*, затем перевёл взгляд на волшебного кота Барсика и вежливо приподнял цилиндр.

— Добрый вечер, почтеннейший ревизор, — произнёс он бархатным, чуть гулким голосом, в котором слышался тихий перезвон рождественских бубенцов. — Я так и знал, что застану на посту именно вас.

Барсик ничуть не удивился — волшебные личности всегда узнавали его с первого взгляда. Он солидно уселся на расчищенную ступеньку крыльца, обернул пушистый хвост вокруг передних лап и вопросительно мяукнул: мол, кто таков и по какому вопросу в неприёмное время?

Незнакомец наклонился ближе. От его пальто пахло морозным ветром, ладаном, старыми пергаментными книгами и свежестью перед грозой.

— Я — Леопольд, первый зодчий этого квартала и Хранитель Рождественского Огня, — тихо пояснил он, доставая из кармана серебряную табакерку, из которой вместо табака вылетела горсть светящихся синих снежинок и медленно растаяла в морозном воздухе. — Видишь ли, Барсик, раз в сто лет в вашем доме № 7 открывается старый чердак. Там хранится Главный Рождественский Фонарь Переулка Фонарщиков. Если зажечь его в Сочельник, весь год в этом переулке будут царить мир, удача и тепло. Но есть одно строгое условие: древний замок на чердачной двери откроется только тогда, когда все жильцы дома забудут старые оби-

ды и соберутся вместе с открытым сердцем. А сейчас, как я погляжу, у вас на всех четырёх этажах можно замораживать пельмени без холодильника.

Барсик возмущённо фыркнул и покрутил лапой у виска — дескать, сам вижу, клиника полная, никакой сознательности у населения.

— У меня осталось ровно пять дней до Сочельника, — продолжил зодчий Леопольд, опуская связку медных ключей прямо в снег перед котом. Ключи тихо звякнули и вспыхнули мягким голубым светом. — Я должен обойти ещё семь кварталов до полуночи, поэтому назначаю тебя своим полномочным представителем. Помири художника и учительницу, вытащи из компьютерной спячки программистов со второго этажа, помоги юной скрипачке с первого поверить в себя — и в ночь перед Рождеством я вернусь, чтобы зажечь Фонарь. Справишься, маэстро?

Барсик гордо выпятил белую манишку, кивнул с видом главнокомандующего, принимающего командование фронтом, подхватил зубами запечатанный конверт с золотым тиснением — тот самый, который он первым делом отнёс через дорогу юному фармацевту Чоре, чтобы заручиться поддержкой тяжёлой артиллерии в виде волшебных чаёв, — и шмыгнул обратно в парадную.

Сверху, из-под самой крыши дома № 7, сквозь пыльное круглое слуховое окошко чердака вдруг пробился и замерцал таинственный голубоватый огонёк — точь-в-точь как

маяк в зимнем море.

— Ну что ж, граждане жильцы, — промурлыкал Барсик, начиная свой обход с третьего этажа. — Считайте, что каникулы закончились. Начинаем воспитательную работу!

Глава 2.

Утро второго января в старом доме № 7 началось с того, что Барсик провёл стратегическое совещание с самим собой перед большим старинным зеркалом в дубовой раме, висевшим в просторном холле первого этажа.

За узкими витражными окнами подъезда только-только занимался морозный, неспешный зимний рассвет. Ночной снег, падавший тихими, крупными хлопьями, завалил кованое крыльцо до самой нижней ступеньки, и теперь дворник дядя Миша, вооружившись широкой деревянной лопатой, скребком прокладывал тропинку к калитке, весело мурлыча под нос какие-то свежесочинённые стихи про январскую стужу. Снег под его лопатой хрустел сухо и звонко, а в синем предрассветном небе ещё догорали бледные, дрожащие звёзды.

Внутри парадной было прохладно и тихо. Старинные чугунные батареи с витым литьём лениво пощёлкивали, гоняя по трубам тёплую воду, а от входной двери тянуло свежим, колючим запахом мороза и хвои.

Барсик сидел на резном дубовом сундуке у зеркала, ак-

куратно поправлял правой лапой сбившийся набок красный праздничный бант и критически оглядывал своё отражение. Солидная чёрно-белая шуба лоснилась в полумраке холла, как дорогой шёлковый бархат, белые гвардейские усы топорщились воинственно, а в огромных жёлтых глазах горел огонь великого полководца, задумавшего взять неприступную крепость без единого выстрела и без лишних жертв среди мирного населения.

— Так, диспозиция на утро второго января следующая, — негромко промурлыкал он, ритмично постукивая когтем по крышке сундука. — Ночью я передал конверт нашему юному фармацевту Чоре. Парень он, конечно, сообразительный и с тёплым сердцем, но пока выспится, пока печку растопит, пока очки протрёт — полдня пройдёт. А у нас до Сочельника всего пять дней, и три старинных засова на чердачной двери сами себя не откроют.

Барсик прищурился, глядя на своё отражение.

— На третьем этаже в глухой обороне сидит художник Аркадий Семёнович. Вооружён кистями, скипидаром, твёрдым характером и упрямством уровня «вековой дуб». На четвёртом этаже окопалась заслуженная учительница словесности Маргарита Львовна. Оружие: ледяной взгляд поверх очков, полное собрание сочинений Лермонтова и железная принципиальность. Попытки мирных переговоров на лестнице провалились с треском. Значит, переходим к плану «Б» — кулинарно-аварийному!

За долгие годы службы при доме № 7 Барсик усвоил одну великую, проверенную поколениями жильцов истину: ничто так мгновенно не сближает гордых и упрямых людей, как внезапная бытовая катастрофа и дразнящий запах свежей домашней выпечки. А уж если в дело вмешается щепотка древней рождественской магии самого дома, который помнит ещё времена зодчего Леопольда, — упрямцам точно не устоять.

План Барсика состоял из трёх этапов и требовал поистине ювелирной кошачьей точности.

Первым делом кот бесшумно, словно чёрно-белая тень, взлетел по широким дубовым ступеням на четвёртый этаж. На лестничной площадке всё ещё плавал тот самый колючий синий туман вчерашней обиды — настолько плотный, что, казалось, его можно было черпать половником. Дверь квартиры Маргариты Львовны была закрыта на замок, но для специалиста уровня Барсика это не представляло никакой проблемы. Кот отошёл на пару шагов назад, прицелился, пружинисто подпрыгнул, повис на тяжёлой латунной ручке всей своей солидной упитанной тушкой, аккуратно нажал левой лапой на старый язычок защёлки — и с тихим, деликатным щелчком дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы внутри мог проскользнуть кот.

В квартире строгой учительницы стояла звонкая, почти музейная тишина. Здесь пахло сушёной лавандой из полотняных мешочков, старым вощёным паркетом, типографской

краской старинных книг и глубокой, спрятанной от посторонних глаз грустью. Вдоль стен гостиной высились дубовые шкафы с золочёными корешками классиков, на круглом столе под кружевной салфеткой стоял начищенный до блеска пузатый тульский самовар, но сейчас он был холодным и молчаливым.

Маргарита Львовна сидела на кухне у высокого окна, выходящего в заснеженный двор, и рассеянно помешивала ложечкой давно остывший чай в тонкой фарфоровой чашке. На ней был строгий тёмно-синий халат с белым воротничком, седые волосы были безупречно убраны в пучок, но плечи её чуть опустились, а над головой висело густое серо-синее облачко тоски. Она смотрела на пустую, не украшенную дворовую ель внизу, на яркую гирлянду в арочных окнах лавки Чоры напротив, и в её обычно строгих серых глазах блестела непрошеная слеза. На кухонном столе перед ней лежал потёртый кулинарный блокнот в клеёнчатой обложке, раскрытый ровно на той странице, где её аккуратным учительским почерком был записан рецепт старинного яблочно-коричного пирога — того самого, который она каждый год пекла к общему рождественскому столу.

— Вот и отлично, — тихо шепнул Барсик, неслышно ступая по паркету, и мягко потёрся пушистым боком о ножку стула, послав в воздух лёгкий золотистый импульс кошачьего тепла.

Маргарита Львовна вздрогнула от неожиданности, опу-

стила взгляд и слабо, но по-настоящему тепло улыбнулась, увидев нарядного кота с красным бантом на шее.

— Барсик? Как же ты вошёл, разбойник? Я ведь, кажется, дверь на защёлку закрывала... Ну проходи, проходи, раз уж явился. Хоть с тобой словом перемолвлюсь...

Она наклонилась, провела тонкой ладонью по его бархатной чёрной спине и тяжело вздохнула:

— Знаешь, милый, а ведь я, кажется, зря вчера так резко с Аркадием Семёновичем обошлась. Ну задела рукавом пальто свежую краску — отчистили бы в химчистке, не конец света. А я наговорила ему колкостей при всём подъезде... Теперь сижу одна, как сыч на ветке, в доме тишина гробовая, и даже традиционный пирог печь не для кого...

Барсик громко, ободряюще мурлыкнул, ловко запрыгнул на соседний табурет, подтянул к себе раскрытый кулинарный блокнот и ткнулся мокрым розовым носом прямо в заголовок рецепта, оставив на бумаге крошечный влажный отпечаток.

— Думаешь, всё-таки испечь? — задумчиво улыбнулась учительница, глядя в умные, выразительные жёлтые глаза кота. — А ведь и правда! Чего сидеть и киснуть? Снесу половину ребятам-программистам на второй этаж, они там совсем за своими компьютерами оголодали, а вторую половину — Леночке на первый этаж, чтобы не волновалась перед концертом. Не пропадать же антоновским яблокам!

Через двадцать минут на кухне четвёртого этажа закипе-

ла настоящая предпраздничная работа. Маргарита Львовна повязала накрахмаленный белый передник, достала с полки просеянную пшеничную муку, свежее сливочное масло, ароматные антоновские яблоки, припасённые ещё с осени, палочки корицы и пакетик ванильного сахара. Когда противень с будущим кулинарным шедевром отправился в разогретую духовку, по квартире поплыл такой божественный, головокружительный аромат карамелизированного сахара, печёных яблок и пряностей, что у Барсика даже задрожали кончики усов.

«Этап первый выполнен блестяще, — мысленно поставил жирную галочку кот, облизывая нос. — Переходим ко второму!»

Пока Маргарита Львовна ушла в гостиную, чтобы достать из буфета парадную кружевную скатерть и блюдо с росписью, Барсик бесшумно прокрался обратно на кухню. Подойдя к плите, он уселся на табурет напротив дверцы духовки, прищурил свои ярко-жёлтые глаза до узких вертикальных щелочек, сосредоточенно шевельнул усами — и в воздухе над плитой вспыхнули крошечные серебристые искорки. Ровное голубое пламя внутри духовки на долю секунды окрасилось в ярко-изумрудный цвет, температура подскочила ровно на тридцать градусов, а из-под уплотнителя дверцы в кухню повалил густой, ароматный, но совершенно безобидный белый дымок — пахнущий не противной гарью, а жжёным сахаром, печёными яблоками и рождественской

сказкой!

— Батюшки! Пирог! — ахнула Маргарита Львовна, вбегая на кухню на запах. Она схватила толстые стеганые прихватки, распахнула дверцу и вытащила противень — пирог сверху подрумянился до глубокого цвета тёмного янтаря, остался целым и невероятно аппетитным, но дыма напустил столько, будто в квартире репетировали дымовую завесу для театральной постановки!

Учительница бросилась в прихожую и распахнула входную дверь на лестничную клетку, чтобы быстрее проветрить квартиру, — и тут Барсик молниеносно приступил к третьему, решающему этапу своей миротворческой операции.

Кот пулей слетел по ступеням на третий этаж, где дверь в мастерскую художника Аркадия Семёновича была слегка приоткрыта для проветривания от запаха масляных красок и разбавителя. Сам хозяин в своём, перепачканном охрой и ультрамарином бархатном пиджаке стоял у мольберта у окна, угрюмо жуя сухой вчерашний бутерброд с колбасой и глядя на падающий за окном снег. Но стоило ему почуять плывущий сверху, с лестничной клетки, умопомрачительный, сладкий запах корицы, ванили и печёных яблок, как художник замер с поднятой рукой, шумно втянул носом воздух — и его густые седые усы зашевелились сами собой.

Барсик не стал терять ни секунды. Он вбежал в мастерскую, схватил зубами длинную беличью кисточку, лежавшую на краю палитры, с грохотом уронил её на паркет, а за-

тем с отчаянным, трагическим воплем «Мя-я-яу!» выскочил обратно на лестничную клетку, выразительно махнув художнику пушистым чёрным хвостом.

— Барсик? Что случилось?! Откуда дым?! — всполошился Аркадий Семёнович и выбежал на площадку как был — в клетчатых домашних тапочках на босу ногу, в перепачканном пиджаке и с недоеденным бутербродом в левой руке.

И ровно в этот самый момент из клубов ароматного белого дыма сверху, с четвёртого этажа, спустилась взволнованная Маргарита Львовна — с раскрасневшимися от жара плиты щеками, с выбившейся из строгого пучка серебристой прядью волос, которая делала её похожей на юную девушку, и с огромным румяным пирогом на резной деревянной доске в руках!

Оба замерли на лестничной площадке ровно посередине между третьим и четвёртым этажами.

Над их головами колючий синий туман вчерашней обиды вдруг громко зашипел, словно снег на раскалённой сковородке, и начал стремительно таять, сменяясь мягким, тёплым золотистым свечением.

— Маргарита Львовна?! — выдохнул художник, глядя на дымящийся яблочный пирог с таким благоговением, словно увидел в подлиннике полотно Рембрандта. — У вас... у вас ничего страшного не произошло? Я дым почуял, Барсик закричал, я подумал, проводка закоротила...

— Да нет, Аркадий Семёнович, простите, что переполо-

шила, — смущённо улыбнулась учительница, и от её привычной ледяной строгости не осталось и следа. — Духовка, право слово, взбунтовалась на праздники. Пирог чуть сильнее обычного подрумянился сверху... Выбросить жалко, а одной мне такой огромный не осилить. Может быть... раз уж вы всё равно вышли на лестницу... зайдёте на чай? У меня и варенье вишнёвое без косточек есть, летнее.

Аркадий Семёнович посмотрел на улыбающуюся Маргариту Львовну, потом покосился на свой жалкий холодный бутерброд в руке, незаметно спрятал его в карман бархатного пиджака и широко, по-детски счастливо улыбнулся:

— С величайшим удовольствием, Маргарита Львовна! Только я на одну секунду в мастерскую заскочу — я там как раз золотую звезду для нашей дворовой ёлки докрасил и лаком покрыл. Высохла намертво, ни за что больше ваше пальто не испачкает! А заодно и вас прошу простить меня за вчерашнюю несдержанность — горяч бываю, каюсь!

Когда дверь на четвёртом этаже закрылась за обоими соседями, а из-за неё донёсся дружный, тёплый смех и звон серебряных чайных ложечек, Барсик гордо уселся на верхней ступеньке лестницы.

Сверху, из-под самой крыши, со стороны запертой чердачной двери, раздался тихий, мелодичный металлический щелчок — первый из трёх старинных кованых засовов сам собой отодвинулся в сторону, а из замочной скважины вырвался тонкий, яркий луч тёплого рождественского света.

— Один засов есть, — удовлетворённо промурлыкал Барсик, аккуратно облизывая белые усы. — Осталось ещё два. Пора навестить моего коллегу Чору в лавке напротив — без его волшебного чая нам чердак не открыть, да и на втором этаже программисты совсем одичали!

Рецепт из блокнота Маргариты Львовны: Яблочно-коричный пирог «Лестничное перемирие»

Этот простой, пышный и невероятно ароматный домашний пирог готовится из самых доступных продуктов, но наполняет весь дом таким уютом, что ссориться в нём просто невозможно:

Ингредиенты (на форму диаметром 22–24 см):

Яблоки (лучше кисло-сладкие, например «Антоновка» или «Симиренко») — 3–4 шт.;

Яйца куриные — 3 шт.;

Сахар — 150 г (около 3/4 стакана);

Сливочное масло (растопленное) — 80 г;

Сметана (15–20%) или густой кефир — 100 г;

Мука пшеничная — 200 г;

Разрыхлитель — 1,5 ч. ложки;

Молотая корица — 1,5 ч. ложки;

Ванильный сахар — 1 ч. ложка;

Щепотка соли и сахарная пудра для украшения.

Как приготовить:

Разогрейте духовку до 180 °C. Форму для выпечки смажьте кусочком сливочного масла и слегка присыпьте мукой или манной крупой, чтобы пирог легко вынимался.

Яблоки очистите от сердцевины (кожицу можно оставить, если она тонкая) и нарежьте тонкими красивыми дольками. Сложите их в миску, присыпьте половиной чайной ложки корицы и аккуратно перемешайте.

В глубокой миске взбейте венчиком или миксером яйца с сахаром, ванильным сахаром и щепоткой соли в пышную, светлую пену (около 3–4 минут).

Влейте растопленное (но не горячее) сливочное масло и сметану, перемешайте до однородности.

Всыпьте просеянную пшеничную муку, разрыхлитель и оставшуюся корицу — аккуратно замесите гладкое, тягучее тесто консистенции густой сметаны.

Вылейте половину теста в подготовленную форму, разложите сверху слой ароматных яблочных долек, залейте оставшимся тестом и красиво выложите сверху веером оставшиеся яблоки.

Выпекайте в разогретой духовке 35–40 минут до румяной золотистой корочки (проверьте готовность деревянной шпажкой — она должна выходить из центра сухой). Готовый тёплый пирог присыпьте сахарной пудрой через ситечко и подавайте с горячим чаем!

Глава 3.

Вечер третьего января опустился на Переулок Фонарщиков медленно, величественно и тихо, словно тяжёлый бархатный занавес синего цвета, расшитый серебряными блёстками зимних звёзд.

Мороз к ночи окреп и стал звонким, сухим, по-настоящему рождественским. Снег, падавший весь день крупными, неторопливыми хлопьями, наконец улёгся, укутав старые черепичные крыши, резные каменные карнизы и ветви вековых лип в пышные, сияющие под светом уличных фонарей перины. Воздух замер в хрустальной, звенящей тишине — казалось, что в такую ночь слышно даже, как падает с ветки крошечная снежинка или как тихо трещит иней на кованых решётках палисадников. Сквозь прозрачную морозную дымку высоко над остроконечной крышей ратуши висела полная, серебристая луна, заливая узкую мощёную улочку призрачным голубоватым сиянием, отчего тени от домов вытянулись и стали похожи на застывших стражей древнего города.

Именно в этот завороженный, таинственный час в дубовую дверь лавки тётушки Агаты трижды деликатно, но настойчиво поскреблись.

Чора, сидевший в глубоком плетёном кресле у потрескивающей чугунной печки в своём любимом тёплом свитере и строгих круглых очках, отложил конспект по органической

химии и открыл дверь. На пороге, утопая пушистыми лапами в свежем сугробе, сидел Барсик. Красный праздничный бант на его груди ярко алел на белом снегу, длинные белые усы покрылись тонким серебряным инеем, а в зубах кот бережно держал ту самую старинную связку потемневших медных ключей, которую накануне оставил у крыльца незнакомец в цилиндре.

— Понял тебя, товарищ ревизор, — кивнул Чора, глядя на мигающий в слуховом окошке дома напротив голубоватый огонёк. — Выдвигаемся на объект. Только давай без резких движений и акробатики, у меня завтра в девять утра коллоквиум на кафедре фармакогнозии.

Он быстро накинул тёплую зимнюю парку, обмотал шею толстым шерстяным шарфом и прихватил с дубового прилавка пузатый металлический термос, в котором ещё с вечера настаивался крепкий горный чай с чабрецом, сушёной грушей, корицей и липовым мёдом.

Перейдя через заснеженный переулок, где каждый шаг отзывался сухим, музыкальным хрустом, Чора и Барсик бесшумно скользнули в парадную дома № 7. Внутри старинного подъезда пахло влажным камнем, вековым дубом, сушёной лавандой и лёгкой, едва уловимой свежестью, какая бывает в воздухе перед первой весенней грозой. На широких резных перилах лежали цветные отблески уличного фонаря, пробивавшегося сквозь старинные витражные стёкла высоких окон на лестничных пролётах.

Поднимаясь по широким ступеням, Чора невольно улыбнулся: мимо притихших дверей третьего и четвёртого этажей теперь витал не колючий ледяной туман, а тёплый аромат яблочного пирога с корицей, доносился приглушённый дружный смех и нежная мелодия старого патефона. Было ясно, что дневная операция Барсика прошла с блеском.

Наконец они остановились на площадке четвёртого этажа — перед узкой, крутой винтовой лестницей с коваными перилами, ведущей под самую крышу.

Наверху виднелась массивная, обитая потемневшим от времени железом чердачная дверь с затейливыми медными заклёпками. Два из трёх старинных кованых засовов уже были отодвинуты в сторону, но последний, центральный засов намертво держала странная, пугающая преграда: прямо поверх замочной скважины в воздухе висело тонкое, переливающееся кружево из светящихся серебряных рун. От них веяло таким колючим, обжигающим холодом, что у Чоры моментально заиндевели стёкла очков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.